

Имитация чувств

СМОТР

Марина БОРИСОВА

Первозданная энергия идет с Востока — в этом убеждает музыкальная программа Чеховского фестиваля. В ней лидировала Азия, показавшая продуктивность опоры на традицию (танцевальные коллективы из Тайбэя) и концентрацию в жесте и звуке («Звук океана» Ю-театра). Запад тем временем выпускает римейки танцклассики (Балле Биарриц) или дансинги высокой пробы («Пьеса без слов» из Лондона). Но даже одного спектакля Хайнера Геббельса «Эраритжаритжака» (Швейцария) достаточно для оптимизма: у Европы до сих пор есть что сказать по существу.

Но если судить о нашем времени по нашумевшему спектаклю англичанина Мэтью Боурна, то образом его будут гламур, скука и симуляция ос-

новных инстинктов. «Пьеса без слов», шедшая в Лондоне два года при переполненном зале, доехала до Москвы, но ошеломляющего впечатления не произвела. То ли за два года, прошедших с премьеры, произошла амортизация, то ли Мэтью Боурн изменил своей миссии сексуального либертина, то ли в России иные запросы к искусству и к сексу, но кульминации не случилось Мэтью Боурн, обративший на себя внимание с конца 1980-х смелой перелицовкой классических балетов, автор мужского «Лебединого озера», ставшего одним из символов легализации гей-культуры, в «Пьесе без слов» пестует новый художественный феномен — эрзац как стиль жизни. Вместо чувств — имитация, вместо энергии — дисциплинированная ловкость, вместо внутренней мотивации — внешняя манкость. Спектакль по мотивам фильма Лоузи «Слуга» сделан как игра в 1960-е, где отношения: хозяин — слуга —

любовница — горничная — мачо подобны текучей смене комбинаций — изощренных, но необязательных. Как постановщик Боурн мастерски манипулирует выточенными телами актеров, которые движутся, словно заведенные, но так и не опускаются до явного танца, только пританцовывают по ходу.

Что бы ни делали лондонцы 1960-х, все выглядит как сексуальная игра в смысле «почему бы и нет?». Дело не в том, что кто-то кого-то действительно хочет, а в том, что этим выхолощенным типажам, подобным манекенам в витринах модных магазинов, больше заняться нечем. Когда хозяин встает ночью, чтобы выпить воды, и видит горничную, неожиданно соблазнительную в мужском джемпере, любовь на кухонном столе неизбежна уже потому, что так принято вести себя в подобных случаях. Это занимает почти все второе действие и является единственным событием спектакля, увлекающего с первых

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

минут выделкой деталей и незаметно изматывающего от напрасных ожиданий того, что принято называть художественным смыслом. Не считая высокого ремесла, «Пьеса без слов» имеет столько же отношения к искусству, сколько глянцевого журнал к нормальной жизни.

Зато у фестиваля был прекрасный старт — спектакль «Эраритжаритжа-

Стиль «Пьесы без слов» — эрзац

ка» Театра Види-Лозанн Э.Т.Е. (Швейцария). Официально проходящий по ведомству драмы, он без натяжки может быть засчитан не только вершиной программы, но и точкой отсчета в современном искусстве. Спектакль Хайнера Геббельса — тонкая игра с пространством и воображением, в которую, как в ловушку, попадает доверчивый зритель. Его суть в диалоге двух персонажей, точнее субстанций: слова («музей фраз» по текстам Элиаса Канетти) и музыки (Шостакович, И.С. Бах, Моцарт, Крамб, Лобанов, Гевин Брайерс, Хайнер Геббельс). Давно не приходилось наблюдать в театре такое высокое энергетическое напряжение, как между говорящим актером (Андре Вильмс) и музыкантами (Мондриан-квартет), где каждая сторона сконцентрирована исключительно на себе. И давно не приходилось испытывать такого чистого наслаждения от литературного текста и академической музыки. ■

Моем. Новоемч. - 2005. - 27 июля - 4 авг. - © 18